

ПРАВИТЕЛЬСТВО ТЬЕРА
и ПОДГОТОВКА РЕВОЛЮЦИИ 18 марта 1871 года

Борьба классов, 1933, № 6. С.30-51

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011, к 140-летию Парижской коммуны
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

В конце файла нами даны ссылки на тематические материалы

Широким слоям трудящихся нашего Союза хорошо известно, какое громадное, исключительное значение имел опыт Парижской коммуны для выработки основных положений стратегии и тактики марксизма-ленинизма. Прошло уже 62 года с того мартовского дня, когда на одной из площадей Парижа при звуках музыки и победном ликовании сотысячной толпы перед украшенной красными знаменами ратушей торжественно провозглашена была Коммуна, и все же краткая 72-дневная ее история продолжает попрежнему волновать миллионные массы трудящихся всего мира и продолжает подымать их на борьбу с капитализмом. Трудящиеся хорошо знают, что дело Коммуны не умерло, что оно продолжает жить в Республике советов, в революционной борьбе всего мирового рабочего класса.

Два основных урока завещала прежде всего, как известно, Парижская коммуна последующим поколениям рабочего класса. Она доказала, что «рабочий класс не может просто завладеть готовой государственной машиной и заставить ее служить своим целям»¹, что рабочий класс, стремящийся покончить с властью буржуазии, должен разбить и сломать эту готовую государственную машину, а не ограничиваться простым захватом ее.

Второй, не менее важный урок Коммуны состоял в том, что она самым фактом своего существования показала, чем заменить эту разбитую государственную машину буржуазии, показала, в какие конкретные формы станет выливаться организация пролетариата как господствующего класса и каким образом эта организация будет совмещена с наиболее полным и последовательным «завоеванием демократии»².

Именно два этих основных урока, а также тот важнейший урок, что без партии пролетариата невозможна победа пролетарской революции, что «партия есть высшая форма классового объединения пролетариата» и были, как известно, восприняты Лениным и партией большевиков, которые уже в эпоху русской революции 1905 г. стремились повторить опыт парижских рабочих и не боялись звать русских рабочих «прибегнуть к тому же способу борьбы, начало которому дала Парижская коммуна, — к гражданской войне».

В 1917 г., в год Октябрьской революции, опыт коммунаров помог Ленину не только теоретически обосновать и углубить стратегию и тактику пролетарской революции, но помог и практическому осуществлению захвата власти и установления диктатуры пролетариата. Ведь именно «Ленин, — как указывает т. Сталин в «Вопросах ленинизма», — открыл советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата, используя для этого опыт Парижской коммуны и русской революции»³.

«Республика Советов, — говорит т. Сталин, — является... той искомой и найденной наконец политической формой, в рамках которой должно быть совершенно экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма. Парижская коммуна была зародышем

¹ Маркс. Гражданская война во Франции, стр. 46, изд. 1931 г.

² Ленин, Государство и революция, т. XXI, стр. 397.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 341, изд. 4-е.

этой формы. Советская власть является ее развитием и завершением»¹.

Хорошо известно, что обострение классовой борьбы в странах капитала в связи с наступлением эпохи войн и пролетарских революций значительно усилило интерес к истории Парижской коммуны со стороны буржуазных и особенно социал-демократических историков. Неудивительно поэтому, что эти последние в своей слепой бешеной ненависти к Советскому союзу всеми силами стремятся дискредитировать вопреки в железный инвентарь большевизма опыт Коммуны.

Еще в 90-х годах прошлого века основоположник ревизионизма Э. Бернштейн в своих получивших затем печальную известность «Предпосылках социализма» открыто отказался видеть в Парижской коммуне то, что видел в ней Маркс, — именно правительство рабочего класса, диктатуру пролетариата. По словам Ленина, Э. Бернштейн в своей книге открыто «обвиняет марксизм в «бланкизме» и решительно отвергает «диктатуру пролетариата», в вопросе же о Парижской коммуне идиотски смешивает с шрудонизмом, жульнически обходит вовсе, абсолютно обходит «разбитие государственной машины»².

В наши дни последователи Э. Бернштейна, идя дальше по стопам своего учителя, прямо заявляют, что взгляды Маркса на Парижскую коммуну «не могут быть приняты всерьез ни одним историком», что Маркс готовил свой труд (о Коммуне) не в качестве обычного научного труда, а обслуживая интересы партии и партийной организации³. Именно поэтому, утверждают современные последователи Э. Бернштейна, Маркс в «Гражданской войне во Франции» «перегнул палку в другую сторону» и, желая защитить своих партийных товарищей от возводимых на них обвинений, «не оставил ни одного целого волоса на голове победителей» — версальцев⁴.

По мнению социал-фашистских историков Конради и Венделя, «Гражданская война во Франции» является грубо тенденциозным произведением, нуждающимся в ряде исправлений. Согласиться с основными выводами Маркса, видите ли, нельзя: Коммуна показала рабочему классу, как не следует делать революцию, она является не образцом для поведения, а только прозным предостережением. Нарушив принципы демократии и сломав аппарат буржуазной государственной власти, Коммуна пошла явно по пути якобинско-бланкистской авантюры и была по существу скорее бунтом, чем революцией⁵.

«Бланкистско-якобинские делатели революции, — пишет например Конради, прямо возражая Марксу, — овладели городской ратушей вовсе не в самом ходе борьбы против нападения реакционеров»⁶. «Бланкистско-коммунистические и якобинские политики путча»⁷ сами, наоборот, были 18 марта 1871 г. нападающей стороной, сами заставили правительство Национального собрания Тьера и его генералов принять необходимые меры самообороны.

Последние только защищали республику от нападения заговорщиков-авантюристов. Конради возмущается тем, что Маркс «без достаточного основания» чернит Тьера, Фавра и других деятелей буржуазного правительства. Он считает совершенно недоказанной продажность отдельных тьеровских министров и генералов и берет под свою защиту расстрелянных в день 18 марта генералов — Леконта и Клемана-Тома. По его мнению, эти генералы не совершили никакого преступления: они только

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 114, изд. 4-е.

² Лен. сборник XIV, стр. 381.

³ Congady, Reichsgründung und Kommune, стр. 219, изд. 1920 г.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 280.

⁶ «Neue Zeit», т. XXXIX, ч. 2-я, стр. 10; статья Congady «Die Pariser Kom-

⁷ Congady, Reichsgründung und Kommune, стр. 223.

защищались от нападения толпы и, отдавая приказание стрелять, только выполняли свой долг по службе.

Нет надобности, думаем мы, подробно излагать все пошлые измышления, встречающиеся на страницах социал-фашистских книг о Коммуне. Конради, Венцели и другие сознательно фальсифицируют историю, изображая события 18 марта 1871 г. заранее подготовленной якобинско-бланкистской авантюрой: социал-фашистские историки не могут не знать, что как раз недостаточная подготовка к отпору реакционерам была слабой стороной революции 18 марта 1871 г., что события этого дня были хорошо подготовлены не там, где помещался ЦК национальной гвардии — не на улице Кордери в Париже, а в лагере реакционеров — в тиши министерских кабинетов и в кулуарах Национального собрания в Бордо.

Новейшие исследования и публикации документов ни в чем не опровергли тех бессмертных страниц «Гражданской войны во Франции», где Маркс разоблачает преступную политику правительства Тьера накануне Коммуны. Наоборот, они полностью подтвердили выдвинутое Марксом обвинение. В частности подтвердили они вполне и брошенное Марксом в лицо «представителям поземельной собственности и капитала» Франции обвинение в организации против рабочего Парижа «контрреволюционного заговора», в попытке «открыто завершить внешнюю войну, под высоким покровительством чужеземного завоевателя и на глазах у него, гражданскою войною, бунтом рабовладельцев»¹. Обратимся теперь к тем фактам, которые подтверждают это выдвинутое Марксом обвинение.

28 января 1871 г. прогремели, как известно, в последний раз под Парижем немецкие пушки, и торжествующие победители — пруссаки после 4-месячной осады добились наконец капитуляции французской столицы. В результате войны буржуазная Франция была разгромлена прусскими войсками и должна была теперь огромной 5-миллиардной контрибуцией расплачиваться за прехи Второй империи, за седанскую катастрофу и преступно бездарную политику так называемого правительства национальной обороны.

Хозяйственная жизнь страны была совершенно подорвана неудачной войной и длительной осадой столицы. Созванное в Бордо в середине февраля реакционное Национальное собрание констатировало не только полный развал в области сельского хозяйства, торговли и промышленности, но и резкое ухудшение состояния финансов Франции. Достаточно сказать, что к концу этого месяца курс трехпроцентной государственной ренты, равнявшийся к началу войны 75 фр., упал до 50. «Банкноты местных банков вместо золота, серебра и ценностей Французского банка, неоплаченные векселя и всеобщее банкротство в перспективе»² — вот то, что, по словам одного современника, действительно унаследовало от правительства национальной обороны сменившее его у власти новое, выдвинутое национальным собранием, правительство Адольфа Тьера.

Разумеется, расплата за преступную проигранную войну вовсе не входила в планы французских капиталистов, и именно поэтому «свалить тяжесть ими же вызванной войны на плечи производителей богатства»³, по словам К. Маркса, в данной исторической обстановке не могло не стать основной классовой задачей буржуазии.

Разрешение этой задачи, как известно, смело взяло на себя правительство Адольфа Тьера, приступившее после своего прихода к власти,

¹ Маркс, Гражданская война во Франции, стр. 37.

² Marcère, L'Assemblée Nationale, т. I, стр. 69, Париж, 1904 г.

³ Маркс, Гражданская война во Франции, стр. 37.

немедля ни одной минуты, к проведению в жизнь в интересах крупной буржуазии в целом, и особенно в интересах ее слоев, стоящих за спиной у богатейшего Французского банка, определенной экономической программы.

Смысл намеченных правительством Тьера мероприятий заключался в безжалостном выжимании путем усиления налогового гнета последних грошей у трудового населения страны, в безмерном сокращении и без того ничтожного фонда заработной платы и наконец в вырывании обратно скровью и мясом тех денежных сумм, которые успела задолжать магнатам капитала задыхавшаяся в тисках конкурентной борьбы мелкая буржуазия Франции. Уничтожение жалования национальным гвардейцам Парижа, уничтожение отсрочек платежей по векселям и квартирной плате — вот с каких мероприятий предполагало правительство Тьера начать разрешение поставленной перед ним буржуазией задачи.

Однако проведение в жизнь этой экономической программы буржуазии наталкивалось на значительные трудности, поскольку в результате вызванного войной и революцией 4 сентября 1870 г. кризиса придавленные восемнадцатью годами императорского режима массы явно выходили из повиновения и отказывались безропотно и послушно сносить дальше ярмо капиталистической эксплуатации. Успеху замысла буржуазии, по словам Маркса, «мешало одно громадное препятствие — Париж».

Известно, что уже классовые бои последних лет империи, массовые политические стачки и деятельность I интернационала значительно повысили активность пролетариев Франции и особенно Парижа. Тяжелые дни осады и особенно преступная классовая политика правительства национальной обороны в свою очередь способствовали росту сознательности пролетарских масс, которые сумели использовать тяжелые военные условия для того, чтобы созданием своих массовых организаций — клубов, комитетов бдительности, союзов значительно укрепить свои классовые позиции.

В то же время к февралю—марту 1871 г. окончательно упрочился и укрепился уже давно намечавшийся союз между начавшим осознавать свои классовые интересы пролетариатом и широкими непролетарскими слоями трудящихся Парижа, страдавшими от классовой политики «деревенщины» и стремившимися вырваться из цепких лап парижских банкиров-капиталистов.

Капитуляция Парижа, как известно, не вырвала из рук рабочих и ремесленников города захваченные ими во время осады ружья и пушки. В руках трудящихся столицы продолжали находиться не только тысячи винтовок — шашко, но и значительное количество легких и тяжелых орудий, а также разнообразное военное снаряжение. Уже одно это не могло не составлять огромной, смертельной опасности для «законной» буржуазной власти, рядом с которой к концу февраля все отчетливее и отчетливее вырисовывались очертания новой, создаваемой по инициативе и по инициативе самих масс трудящихся власти Центрального комитета национальной гвардии Парижа.

Стремление обуздать вышедшие из повиновения массы, стремление «подчинить Париж» и обезоружить его наталкивалось на ряд других серьезных препятствий, ослаблявших силы буржуазии и делавших ее подчас совершенно беспомощной и пассивной: тяжелый внутренний кризис самих господствующих классов, начавшийся еще в разгар военных действий и не прекратившийся после заключения мира с Пруссией, мешал сосредоточению сил буржуазии и отвлекал ее внимание от насущных классовых задач. Вместе с тем развал и распад старой императорской армии и явно недостаточное количество в Париже регулярных воинских частей, разложение государственного аппарата, вынужденное разделение на две

части — парижскую и бордосскую — самого нового правительства Тьера довершали безотрадную для господствующих классов картину.

Вот в этой-то исключительно сложной обстановке и приходилось Тьеру приступать к практическому осуществлению своей экономической программы; его маленькую, но жесткую руку должны были скоро почувствовать трудящиеся классы Франции и Парижа.

К началу 1871 г. Адольф Тьер, крупный капиталист и владелец богатейших угольных копей в Анзене, мог бы уже вполне подводить итоги своей больше чем 70-летней жизни. В течение 40 лет своей политической деятельности он всегда неизменно принимал самое активное участие в борьбе буржуазии против поднимающегося рабочего класса. И в 1831 г., и в 1834 г., и позже, в 1848 г., он словом и делом помогал буржуазии подавлять рабочие восстания и поэтому хорошо знал силу расправлявшего свои плечи пролетариата и не мог обманываться относительно смысла происходящих теперь в Париже событий.

Этот маленький злой человек хорошо знал, знал лучше, чем кто-либо другой в буржуазной Франции, что предположенные правительством и «деревенщиной» мероприятия могут быть проведены в жизнь исключительно силой, вернее насильем.

И именно поэтому перед ним не могли не стоять с самого первого дня его прихода к власти вполне определенные политические задачи, являвшиеся неизбежным продолжением и дополнением указанных выше хозяйственных, экономических задач.

Объединить разрозненные и распыленные силы правительственной власти; создать недалеко от очага революции — Парижа — центр для перехода в наступление на врагов буржуазии; реорганизовать в послушную буржуазии силу разбитую и деморализованную императорскую армию — вот те политические задачи, без разрешения которых конечно нечего было и думать «свалить тяжесть войны... на плечи производителей богатства».

Разрешить эти политические задачи и означало для Адольфа Тьера и пославшей его к власти кучки финансовой олигархии подготовить насильственным разоружение революционного Парижа; подготовить же втайне это разоружение — разве не означало это создать тот «контрреволюционный заговор» господствующих классов против пролетариата, о котором говорит Маркс в своем «Адресе о гражданской войне»?

II

Ближайшей исходной точкой событий, в дальнейшем приведших к восстанию 18 марта и переходу власти в руки пролетариата, вне всякого сомнения были начавшиеся еще 24 февраля, в день годовщины февральской революции, и продолжавшиеся вплоть до 4—5 марта народные волнения в Париже.

Волнения эти, начавшиеся в связи с ожидавшимся 1 марта вступлением немецких войск в Париж и возможной оккупацией рабочих районов, в действительности были следствием невыносимого положения рабочих масс. Посредством вооруженных демонстраций выражали теперь эти массы свое стремление сохранить и укрепить республику и свое недоверие и презрение правительству буржуазии.

Красные знамена на статуе Республики, непрекращающиеся день и ночь демонстрации на площади Бастилии, массовое вооружение народа — вот с чем пришлось столкнуться в конце февраля беспомощному, не имевшему в своем распоряжении достаточных военных и полицейских сил правительству Тьера.

Уже в воскресенье 26 февраля «положение», по словам министра иностранных дел Жюля Фавра, «было весьма критическое, и поэтому не-

обходимо было считаться с возможностью прямого революционного выступления масс». Тьер, в связи с этим, рассказывает Жюль Фавр, в ночь на 27 февраля «не ложился спать. Он принимал меры для защиты с активностью и хладнокровием, присущим решительному и твердому человеку». «Подобно всем нам, и Тьер слушал раскаты набата, смешанные с шумом, который производили бродившие по городу массы вооруженных людей»¹.

Уезжая на утро 27 февраля в Бордо и покидая Париж, Тьер таким образом уносил в ушах эти раскаты набата, этот шум поднимающегося на борьбу за новую жизнь города.

Вдогонку ему летели телеграммы, целый дождь телеграмм, как об этом рассказывает нам Фавр.

«Агитация продолжается и выражается в определенных опасных симптомах,—уже 28-го пишет Тьеру этот последний, возглавлявший правительственную власть в Париже. — Солдаты, матросы и особенно мобили Сенского департамента присоединились к манифестациям, продолжавшимся часть ночи, пушки были с триумфом вывезены, оружейные магазины разграблены и, что особенно горестно, захвачены патроны...»

«Национальная гвардия абсолютно деморализована, и ее батальоны, принимающие участие в беспорядках, слушаются только комитета, который можно назвать инсurreкционным»... «Положение, как видите, далеко не завидное, я боюсь еще ухудшения» — продолжает Фавр, умоляя Тьера сделать «все, что будет возможно, чтобы освободить нас в наиболее короткий срок»...².

К 3 марта, т. е. ко дню вывода немецких войск из Парижа, где они согласно условиям мирного договора находились с 1 марта и ко дню новых серьезных беспорядков в Гренелле, тревога оставшихся в Париже властей достигает своей наивысшей точки. Все увеличивающийся размах революционного движения заставляет Фавра прямо взывать о помощи и подавать в Бордо сигналы о бедствии «подобно,—как он сам об этом пишет Тьеру, — евангельским апостолам, взывавшим: господи, спаси нас, мы погибаем»³.

Тьер разумеется с тревогой следит за развертыванием событий в Париже. Сигналы о бедствии не могли не доходить до него, тем более, что уже во время своего пребывания в Париже он сам мог наблюдать огромный, невиданный раньше размах движения. «Сейчас же после подписания мирного договора, — рассказывает он сам, давая показания следственной комиссии Национального собрания,— я увидел, что мы должны будем выдержать ожесточенную борьбу с этими людьми»⁴. Политический опыт человека, активно подавлявшего ранее ряд рабочих восстаний, подсказывает ему необходимые решения:

«В то время как мы в Бордо заняты были обсуждением мирного договора (т. е. 28 февраля и 1 марта. — С. К.), генерал Ле-Фло получил приказание направить войска в столицу»⁵.

Сохранившиеся и опубликованные в различных изданиях письма Тьера в Париж Жюлю Фавру и представителю военного министра генералу Сюзанну, а также отдельные распоряжения самого военного министра генерала Ле-Фло позволяют нам глубже проникнуть в скрытые намерения правительства и вместе с тем дают возможность более детально выяснить характер того предательского удара из-за угла, который с самых первых дней марта готовили в Бордо трудящимся Парижа Тьер и его ближайшие помощники.

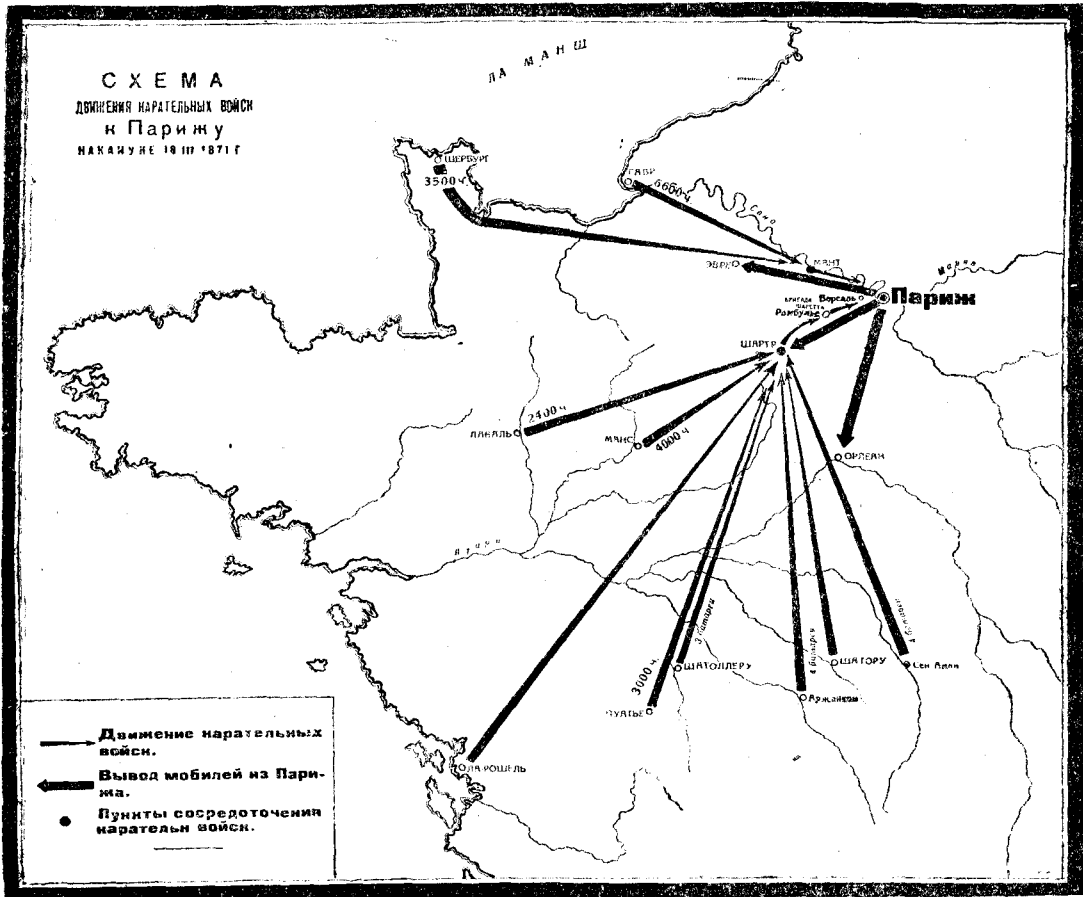
¹ J. Favre, Le Gouvernement de la Défense Nationale, т. III, стр. 124.

² Письмо Фавра Тьеру от 28/II 1871 г. См. «Revue des deux mondes», т. XXXIV, 1916 г.

³ Письмо Фавра Тьеру от 3/III 1871 г. См. там же.

⁴ «Enquête parl. sur l'insurrection de 18 mars», изд. в одном томе, стр. 175 и дальше.

⁵ Там же.

Войска, предназначенные военным министром для участия в карательной экспедиции, должны были быть выделены из состава Луарской и Северной армий.

В том, с каким исключительным вниманием отнеслись правительство и военное командование к задаче «отделить хорошее» и к формированию из отобранного таким образом, как бы «à la fourchette»¹ — это слова самого Тьера, — людского материала, годных для подавления восставшего Парижа бригад и дивизий, можно убедиться из письма Тьера директору Французского банка Рулану. По словам генерала Винуа, в Париж была направлена тогда «l'élite», т. е. лучшая часть провинциальных армий².

Основные распоряжения по армиям о движении войск специального назначения на Париж были отданы генералу Ле-Фло, как это следует из письма Тьера Жюлю Фавру от 5 марта, еще 3 марта под непосредственным впечатлением сообщений из Парижа о волнениях в Гренелле и отчаянной телеграммы генерала Винуа о присылке на помощь хотя бы одной дивизии; 4 марта эти распоряжения были «уточнены с особенной силой»³.

Части, предназначенные для участия в карательной экспедиции, в основном были выделены из войсковых соединений, расположенных в самых различных городах северо-западной Франции: из Гавра, Шербур-

¹ Письмо Тьера Фавру от 5/III 1871 г. См. Banniols, «Thiers au pouvoir», стр. 25.

² Vינוו, L'Armistice et Commune, стр. 183.

³ Письмо Тьера Фавру от 5/III 1871 г.

га, Лаваля, Пуатье, Шатору, Ларошели и Сен-Амана. Они должны были составить в целом три пехотных дивизии, одну дивизию кавалерии и 9 артиллерийских батарей с общей численностью в 29.700 чел. Несколько позднее кроме того должны были быть двинуты к Парижу и полки бретонских добровольцев, находившихся под командой реакционнейшего генерала Шаретта. Из письма Тьера этому генералу видно, что правительство рассчитывало 10 марта сосредоточить этих бретонцев в Рамбулье, недалеко от Версаля¹.

«Войска, которые должны будут прибыть к Вам, будут состоять из двух колонн: одна из этих колонн должна будет прибыть из Шербурга и Гавра в Мант, другая из Пуатье и Манса в Шартр» — сообщал Тьер Жюлю Фавру 5 марта, указывая на необходимость всячески подготовиться к приему и размещению этих войск².

Действительно, Мант и Шартр, две крупные железнодорожные станции, лежащие на Северной и Западной железных дорогах сравнительно недалеко от Парижа, были избраны военным командованием в качестве пунктов сосредоточения движущихся к столице армий; для приема и дальнейшего направления воинских частей на Париж в оба эти пункта были командированы одновременно с отдачей распоряжений о движении войск два высших штабных офицера — адъютант генерала Ле-Фло капитан Дю-Ло в Мант и офицер Бетмон в Шартр³.

Особое, исключительное внимание уделяет Тьер, и этого конечно следовало ожидать, политическому состоянию посылаемых в Париж воинских частей. В письмах Тьера генералу Сюзанну мы находим поэтому целый ряд интереснейших указаний относительно методов поддержания в войсках воинского духа и дисциплины. «Коллективное войско достаточное, — пишет Тьер 7 марта, — остается их настроение. Вот что особенно меня занимает. Верность войск — главная наша задача, и она должна быть поэтому предметом всех наших забот»⁴.

Используя опыт 1848 г., опыт подготовки подвижной гвардии для роли палача парижских рабочих, Тьер прежде всего предлагает своим генералам особенно внимательно следить за снабжением войск продовольствием, за санитарным состоянием лагерей и казарм и удобством расквартирования. «Чтобы солдаты были в хорошем настроении, надо, чтобы они были довольны» — указывает он. «Обслуживайте войска самым лучшим образом, сколько бы это ни стоило, — настаивает он в другом письме, — если войскам чего-либо не будет хватать, не оставляйте этого без внимания. Делайте необходимые расходы, хотя бы они и выходили несколько за пределы обычных мерок»⁵.

Тьер однако хорошо знает, что одного хорошего, улучшенного довольствия войск еще далеко недостаточно: необходимо всеми силами стараться уберечь их в пути и по прибытии на место, в столицу, от революционной заразы, а для этого — принять меры для изоляции солдат от населения.

Уже в письме от 3 марта Тьер предлагает генералу Сюзанну спешно приступить к подготовке только что покинутых немцами фортов левого берега Сены, и особенно Мон-Валериана, к приему ожидающейся в Париже армии. «Ничего не может быть естественнее, чем это занятие, — хитро пишет он, — тем более, что мы тем самым будем иметь преимущество не

¹ Bouniols, Thiers au pouvoir, стр. 48 — 49.

² Там же, стр. 25.

³ Vinoy, L'Armistice et Commune, стр. 135. См. также письмо Тьера генералу Сюзанну от 5/III 1871 г. (Damé, La résistance, стр. 258).

⁴ Bouniols, Thiers au pouvoir, стр. 41.

⁵ Письмо Тьера генералу Сюзанну от 6/III 1871 г. (Damé, La résistance, стр. 259) и письмо Тьера генералу Сюзанну же от 7/III 1871 г. (Bouniols, Thiers au pouvoir, стр. 42).

оставлять солдата в слишком интимном контакте с возбужденным населением Парижа»¹.

Кроме того самая работа по приведению оставленных немцами фортов в надлежащий порядок должна будет, по мнению Тьера, иметь определенное «двойное преимущество», — «она займет людей и даст возможность использовать их рабочие руки»².

В письме от 5 марта он снова напоминает генералу Сюзанну о необходимости «не бросать войска в самую гущу населения» и расквартировать их частично в Сен-Жермене, частично в самом Париже, в менее населенных районах или местах, допускающих отделение войск от остального населения, — в Военной школе, на Марсовом поле, во Дворце инвалидов, в хорошо запертом Тюильри. «Я попрежнему рекомендую, — повторяет Тьер Жюлю Фавру, — не рисковать расположением вновь прибывающих в гуще населения, расквартирование надо произвести таким образом, чтобы гарантировать вновь прибывших от плохих влияний»³.

Отдельные части из числа предназначенных для усмирения Парижа войск, внушающие хотя бы тень подозрения, необходимо немедленно отделять от остальных. По мнению Тьера, оставленные немцами небольшие форты левого берега Сены (Ванв, Исси и другие) могут служить местом для расквартирования этих внушающих подозрение воинских частей, «нуждающихся в том, чтобы быть занятыми»⁴.

Особенные заботы со стороны Тьера и генерала Ле-Фло вызывает к себе вопрос о командном составе карательной экспедиции. «Я умоляю Вас и генерала Винуа, — пишет Тьер генералу Сюзанну, — собственными глазами осмотреть прибывающие войска, обратив особое внимание на офицеров, убедиться в настроении этих последних и, если будет необходимо, произвести изменения в командном составе»⁵. Генерал Ле-Фло еще 3 марта, сообщая генералу Винуа о предполагаемом составе экспедиции, указывает, что ему стоило большого труда подобрать командный состав и что он потому остановил свой выбор на генералах Модюи, Сюзбиелле, Барри и Рессайре, что последние «уже великолепно знают Париж и командовали во время осады отдельными частями парижского гарнизона»⁶.

Легко понять, какое «знание» Парижа ценит Ле-Фло: речь идет о предстоящем бое с мятежниками, и заботливый генерал стремится поставить во главе отдельных отрядов командиров, хорошо знающих предстоящее поле битвы и хорошо знакомых с самим «врагом»!

Для того, чтобы протолкнуть в Париж столь большое количество бригад и дивизий, необходимо было конечно добиться согласия немецкого верховного командования.

Уже 4 марта Жюль Фавр по поручению Тьера обращается к Бисмарку с просьбой значительно увеличить контингент парижского гарнизона и разрешить дополнительно ввести в столицу для присоединения к оставленной уже в Париже дивизии генерала Фарона еще 20 тыс. солдат:

«Париж находится под угрозой серьезного столкновения... «беспорядки... продолжают яв усиливаться»... «генерал Винуа беспомощен, имея только одну дивизию в своем распоряжении, — пишет Жюль Фавр Бисмарку, — я прошу Ваше превосходительство отдать распоряжение о том, чтобы не было отказано в пропуске везущим войска поездам»⁷.

Разумеется, ни Фавр, ни тем более Тьер не ожидают отказа от железного канцлера, который открыто предлагал уже раньше свою помощь

¹ Bouviers, Thiers au pouvoir, стр. 16 — 17.

² Там же.

³ Там же, стр. 26, 42.

⁴ Письмо Тьера генералу Сюзанну от 6/III 1871 г.

⁵ Письмо Тьера генералу Сюзанну от 7/III 1871 г.

⁶ Vinoy, L'Armistice et Commune, стр. 386 (письмо Ле-Фло).

⁷ «Archives diplomatiques», т. I, стр. 46, 1871 г.

для подавления восстания в Париже. И действительно Бисмарк не заставляет долго ждать соответствующего разрешения.

«Принимая во внимание создавшееся в Париже положение и необходимость предотвратить беспорядки, — гласит его ответ, — главное командование дает свое согласие на проход французских войск, упомянутых Вашим превосходительством»¹.

В тот же день в Версале подписывается военная конвенция об эвакуации фортов левого берега Сены; § 9 этой конвенции предусматривает увеличение гарнизона до 40 тыс. чел. и введение в столицу новых частей, следующих из Гавра, Шербурга, Лавалья и т. д. В приказе немецкого верховного командования от 12 марта, т. е. за целых шесть дней до революции в Париже, говорится о том, что «в ближайшие дни предстоит операции французских войск против мятежных национальных гвардейцев Парижа. Ходатайство генерала Винуа — разрешить прохождение его частей через нейтральную зону — подлежит удовлетворению»².

Таким образом нельзя сомневаться в том, что тот единый фронт господствующих классов Франции и Германии против революции и рабочего класса, о котором позднее говорил Маркс на заседании Генерального совета I интернационала, начал складываться фактически еще задолго до 18 марта: немецкое командование, как мы видим, не только готово пропускать в Париж карательные отряды и быстро возвращать во Францию военнопленных, но и готово передать в распоряжение французского правительства 12 тыс. шаспо, доставшихся Германии в результате капитуляции Парижа. О необходимости срочно договориться с немцами о покупке у них этих ружей заботливый Тьер еще 6 марта пишет генералу Сюзанну: «Позаботьтесь о качестве и цене этих ружей»³.

Несмотря на достаточно высокий численный состав двинутых к Парижу отрядов, правительство стремится обеспечить себе необходимые резервы и поэтому с самого начала с нетерпением ожидает прибытия первых эшелонов б. военнопленных. По сведениям, идущим из Германии, прибывающие в своем большинстве бывшие императорские солдаты настроены далеко неревOLUTIONционно. И именно поэтому озабоченный сохранением среди б. военнопленных реакционных настроений Тьер стремится пресечь самую возможность соприкосновения б. военнопленных с мятежниками Парижа: прибывающие, согласно распоряжению, о котором Тьер сообщает 11 марта генералу Сюзанну, должны с пограничных пунктов направляться в соответствующие части, обязательно минуя зараженный революцией город!⁴.

Нельзя не заметить, что в эти первые дни практического осуществления плана покорения Парижа Тьер и его ближайшие помощники проявляют в Бордо совершенно исключительную энергию. Об огромной активности Тьера свидетельствуют хотя бы только одни многочисленные его письма; и при этом надо еще иметь в виду, что до нас дошла только самая малая часть его переписки, что отдельные наиболее важные и секретные телеграммы и письма просто уничтожались и что многое и сейчас еще слишком хорошо упрятано в архивах буржуазной Третьей республики и, к сожалению, пока еще неизвестно, когда дождется опубликования. Бесследно пропали также и те сильно компрометирующие Тьера депеши, которые были найдены в дни Коммуны одним из помощников П. Груссе журналистом О. Пэнном в письменном столе министра внутренних дел Э. Пикара. На основании этих депеш, как об этом сообщает читавший их и далеко недружелюбно настроенный к Коммуне очевидец, можно было

¹ «Archives diplomatiques», т. I, стр. 46, 1871 г.

² См. статью А. Молока «Бисмарк и Коммуна» в сб. «Парижская коммуна», изд. 1932 г.

³ См. указ. статью А. Молока, а также письмо Тьера генералу Сюзанну от 6/III 1871 г.

⁴ Bouviols, Thiers au pouvoir, стр. 49.

легко «установить совершенно точно, что эти господа (т. е. Тьер и Пикар) с самых первых дней месяца трудились над созданием того конфликта, который разразился в день 18 марта»¹.

Не меньшую энергию и активность, чем члены правительства в Бордо, проявляли в первые дни марта в самом Париже оставшиеся там министры Фавр и Пикар, а также представители военного ведомства генералы Сюзанн и Винуа.

Особенно кипучую деятельность конечно проявляли последние: им приходилось не только брать на себя заботы по размещению и приему прибывающих из провинции войск, но одновременно также проводить очень сложную технически операцию демобилизации батальонов подвижной гвардии (мобилей), начавших еще 24—26 февраля брататься с парижанами, принимавших активное участие в манифестациях и уже вполне подпавших под влияние и руководство Центрального комитета национальной гвардии.

Без удаления из Парижа этих совершенно деморализованных частей нечего было и думать об успехе так тонко задуманного плана разоружения и подчинения мятежного Парижа.

Генералу Винуа только к 15 марта удастся справиться с этой задачей и вывести из Парижа в походном порядке и по железным дорогам десятки тысяч мобилей; это конечно крупный успех, так как мобили должны были обязательно стать союзниками революционной национальной гвардии Парижа в предстоящем в недалеком будущем бою.

Так в первые 10—15 дней марта совершается это двойное движение войск,—и в то время как из Парижа постепенно удаляются ненадежные и захваченные революционным вихрем части, в Париж все больше и больше просачиваются новые провинциальные батальоны—надежда и упование господствующих классов Франции.

Сведения относительно фактического хода операций по продвижению войск к Парижу мы находим в известной книге генерала Винуа «Перемещение и Коммуна». На основании сообщенных им сведений можно судить о том, что отдельные воинские части были, по приказу военного министра, двинуты в путь немедленно вслед за получением на местах соответствующего приказа, т. е. еще 4 марта; другие части двинулись в путь 5, 6 и 7 марта и прибыли в Париж через Мант, Шартр и Сен-Жермен 8-го и 9-го. Между 10-м и 15-м постепенно подвезена была к столице и большая часть остальных, предназначенных для участия в карательной экспедиции, частей, а главное — прибыла целиком вся артиллерия. Таким образом сложная операция по продвижению к Парижу значительного количества воинских сил была проведена военным командованием, особенно принимая во внимание трудность снабжения, ненадежность транспорта и необходимость прохода через немецкое расположение, весьма удачно: всего в Париже прибыли к 15—17 марта из общего числа отобранных генералом Ле-Фло войск полностью 1-я дивизия генерала Модюи, почти полностью 2-я дивизия генерала Сюзбиелля, одна бригада 3-й дивизии генерала Барри и вся артиллерия. Не успели добраться до Парижа в срок только одни кавалерийские части да отдельные немногие пехотные полки².

К сожалению, существующая литература совершенно не знакомит нас с теми условиями, при которых совершались все эти военные перевозки. Мы ничего не знаем также и о тех настроениях, которые господ-

¹ V ino y, L'Armistice et Commune, стр. 187 и дальше.

² Hérisson, Nouveau journal d'un officier d'ordonnance. La Commune, стр. 73, изд. 14-е.

ствовали в товарных вагонах, везших в столицу отдельные отряды карательных войск.

Нам удалось только натолкнуться на отдельные, скудные, правда, сведения в специально посвященной истории Гавра книге. Там говорится о полках, направленных в Париж из этого города. Среди этих полков, и это придает особенный интерес сообщению, находился тот самый 88-й пехотный полк, который, как известно, через несколько дней почти целиком перешел на сторону революции и значительно способствовал тем самым успеху пролетарского восстания.

Согласно сообщенным историком г. Гавра Бриндо сведениям, полки гаврского гарнизона получили от Ле-Фло еще 4 марта следующий лаконический приказ:

«Немедленно отправьте в Париж под командой генерала Берти 78-й, 88-й и 89-й маршевые полки; 90 патронов и продовольствие на три дня; предупредите генерала Винуа об отправлении»¹.

Согласно полученному приказанию, часть 76-го полка тронулась в путь еще 4-го; 89-й полк двинулся на следующий день; 88-й, находившийся в лагерях Совика, отправился в путь только 6 марта.

Разумеется, правительство держало в тайне ход и характер задуманной военной операции и принимало предупредительные меры, чтобы сведения о количестве войск и истинной цели их переброски в столицу не проникали на страницы периодической печати.

Так, Фавр еще в марте предложил Тьеру срочно перейти на шифр, так как иначе нельзя было рассчитывать сохранить «в секрете то, что содержится в депешах»²; так, 7 марта по распоряжению, идущему из Бордо, было запрещено пользоваться телеграфом всем частным лицам³. Тем не менее «шила в мешке» утаить не было, разумеется, никакой возможности, и поэтому почти одновременно с началом переброски войск в Париж о намерениях правительства узнали оба стоящие друг против друга в Париже лагери — и буржуазия и пролетариат.

IV

Созданный еще в середине февраля ЦК национальной гвардии к первым дням марта представлял собою уже определенную, опиравшуюся на сотни тысяч рабочих и ремесленников, силу: до 200 батальонов национальной гвардии (из 254) к этому времени совершенно открыто признавали ЦК национальной гвардии единственным своим авторитетом и отказывались выполнять приказания генерала Орелля де-Палладина, назначенного 3 марта Тьером командующим национальной гвардией Парижа. Во всяком случае к 4 марта ЦК национальной гвардии мог уже вполне положиться на целый ряд батальонов, причем в 79-м, 99-м, 107-м, 129-м, 153-м, 168-м и 202-м батальонах, которые были набраны в рабочих округах Парижа, весь состав целиком состоял из его ярых приверженцев. Полицейские посты на улицах Гобеленов и Жерсона к этому времени также находились в его руках⁴.

Разумеется, движение войск Тьера к Парижу не могло остаться незамеченным в революционном лагере и не вызвать волнения среди членов ЦК национальной гвардии. Последние не могли не замечать, что реакция подымает голову и, готовясь нанести удар революционному движению, проводит ряд подготовительных мероприятий. Мероприятия правительства Тьера — переброска новых войск в Париж, назначение генерала Орелля, закрытие революционных газет в Париже по приказу гене-

¹ Brindeau, Les événements de 1870 — 71 au Havre, т. II, стр. 189.

² Листью Фавра Тьеру от 6/III 1871 г.

³ Газета «Vengeur» № 31 от 7/III 1871 г.

⁴ Bourgin, La Commune et le Comité centrale, «Revue historique», т. CI, стр. 34, 1925 г.

рала Винуа, смертный приговор, вынесенный по делу восстания 31 октября 1870 г. Бланки и Флурансу, и наконец неоднократные попытки военного командования овладеть пушками национальной гвардии — должны были бы привести к усилению классовой бдительности ЦК национальной гвардии и открыть глаза его членам на то, что гражданская война не за горами и что в связи с этим вопрос о власти скоро будет решаться на улицах Парижа.

Тем не менее, несмотря на все эти явные признаки приближения решительного, переломного момента, ни ЦК национальной гвардии, ни Парижский федеральный совет Интернационала не отдавали себе ясного отчета в создавшемся положении и поэтому не предпринимали достаточных шагов для подготовки масс к неизбежному уже теперь решительному столкновению. Патристические иллюзии, с одной стороны, и иллюзии возможности классового мира — с другой, делали свое дело, мешая этим организациям видеть действительность в ее подлинном, обнаженном виде.

10 марта на делегатском собрании представителей национальной гвардии член ЦК Арнольд в своем докладе подчеркивал от имени ЦК национальной гвардии, что ЦК национальной гвардии «меньше всего желательны кровавые столкновения граждан между собою»¹. Стараясь снять с ЦК национальной гвардии обвинения в подстрекательстве к гражданской войне, Арнольд говорил далее: «Мы протягиваем свои братские руки всем нашим согражданам, всем народам, которые также являются нашими братьями», и закончил свое выступление характерным лозунгом: «Довольно насилия, рабства и какой бы то ни было диктатуры. Да будет установлен суверенитет наций и свободные граждане да управляют собой сами»².

На том же самом собрании выработана была особая прокламация «К армии», в которой говорилось, что, «несмотря на то, что в Париже находятся 300 тыс. национальных гвардейцев, в город вводятся войска, которых хотят обмануть относительно настроения парижского населения». ЦК национальной гвардии призывал эти войска брататься с парижскими рабочими и ремесленниками.

Еще до 10 марта, т. е. до выпуска в свет прокламации ЦК национальной гвардии, революционные газеты обратили внимание на предпринятую правительством перепутывровку войск. Тем не менее, несмотря на наличие в революционном лагере определенного беспокойства и волнения, нельзя сомневаться в том, что революционная печать, а также стоявшие за нее партии прудонистов, бланкистов и якобинцев, подобно ЦК национальной гвардии, недостаточно оценивали степень таившейся в этих войсковых перевозках опасности и потому совершенно недостаточно готовили массы к предстоящей в недалеком будущем схватке.

Мы не ошибемся, если скажем, что преобладающими здесь были оптимистические настроения, хорошим примером которых может служить одна из статей газеты «Пароль», посвященная почти целиком вопросу о продвижении правительственных войск к Парижу. Автор статьи убежден, что дело не может дойти до открытого столкновения и что правительство обманется в своих ожиданиях, так как направленные в Париж солдаты «ближе к тому, чтобы подать руку своим парижским братьям, чем к тому, чтобы служить преторианцами генералу Ореллю»³. И хотя ближайшие события действительно как будто бы оправдали эти надежды, разве не чувствуется здесь, в этих словах, первого проявления того вреднейшего оптимизма, который так тяжело потом отражался на ходе всех военных операций армий Коммуны?

¹ Лукин, Парижская коммуна 1871 г., стр. 191, изд. 4-е.

² Bourgin, La Commune et le Comité centrale, «Revue historique», т. CL, стр. 35—37, 1925 г.

³ «Mot d'Ordre» № 31 от 7/III 1871 г.

Конечно вся крупная буржуазия Франции и вся буржуазная пресса, затаив дыхание, следили за ходом предпринятой правительством операции. По вполне понятным причинам и «Temps» и «Journal des débats» — главнейшие органы буржуазии — уклонялись от дачи сколько-нибудь обстоятельной информации о близком прибытии в Париж усмирителей. Скорее наоборот — в интересах буржуазии было скрывать от масс истинные цели экспедиции и изобразить самый факт переброски войск в Париж простым увеличением с 12 тыс. до 40 тыс. чел. гарнизона столицы. Только в отделах «хроник», как правило, случайно попадаются набранные петитом мелкие заметки то о прибытии в Париж батарей митральез, то о прибытии батальона тюркосов, то наконец о назначении генерала Модюи командиром вновь сформированной 1-й дивизии.

Зато значительно более откровенны парижские корреспонденты больших иностранных газет буржуазии. Сотрудник «Times» например день за днем знакомит английскую буржуазию с продвижением военных отрядов из провинции к Парижу и недвусмысленно указывает, что в случае успешного окончания операций правительство и военное командование сейчас же резко изменят свою тактику по отношению к мятежным Монмартру и Бельвиллю.

«Теперешние правители Франции снова вооружают те полки, которые были разоружены в момент перемирия, и усиливают их отрядами из Луарской и других армий» — указывает корреспондент «Times» в номере от 7 марта. «Сейчас все — вопрос времени, — продолжает он в следующем номере, — так как войска ожидают со дня на день... Согласно вычислениям хорошо информированных лиц... около 15 тыс. готовы присоединиться к войскам правительства, если дело дойдет до настоящего сражения».

10 марта, сообщив о том, что назавтра ожидается прибытие в Париж последних из числа ожидавшихся частей и что «сильная артиллерия уже прибыла», тот же корреспондент указывает, что «правительство находится теперь в состоянии отстаивать себя теми способами, которые были невозможны в течение последнего месяца». А 16 марта, предугадывая дальнейшее развитие событий, он прямо говорит, что «с Собранием в Версале и 40 тыс. хорошо обученных солдат в Париже... Тьер сможет отказаться от выжидательной тактики».

Состояние прибывающих в Париж частей внушает корреспонденту «Times» достаточное доверие. Он сам лично осматривал расположенные у Трокадеро части и нашел, что они вполне готовы к бою. «Марсово поле, — пишет он, — похоже на полотняный город и напоминает одну из тех картин, которые хорошо знакомы тем, кто участвовал в походах и видел дурбары в Индии». «Как воинственно и по-деловому выглядит теперь все, теперь, когда неприятеля уже больше нет!» — восклицает в заключение этот не очень проникательный и наблюдательный англичанин¹.

Итак, можно считать вполне установленным, что к 15—17 марта генерал Винуа мог, по самому осторожному подсчету, опираться, не считая дивизии генерала Фарона и жандармов, еще на 15—20 тыс. штыков и сабель. С количественной стороны дело таким образом обстояло вполне благополучно, и это заставляло буржуазию и ее правительство надеяться на удачное и быстрое разрешение стоящей перед нею задачи. Под вопросом оставалось однако качество прибывших и прибывающих в Париж полков. Как отнесутся эти полки к революционной столице? Захотят ли снова, как раньше в июне 1848 г. и декабре 1851 г., послушно выполнять кровавое и грязное дело, навязанное им капиталом? Останутся ли они глухи или нет к тем пламенным революционным речам, которые в эти мартовские дни бросали в мир передовые пролетарии Парижа?

¹ «Times» от 16/III 1871 г.

Действительно, от верности Национальному собранию направленных в столицу полков в полной мере зависел успех задуманного Тьером в столь широком стиле плана военного покорения Парижа. «Подчинить Париж» — вот в чем заключалась задача, поставленная правящей в стране крупной буржуазией перед военным командованием. Стремление во что бы то ни стало лучше разрешить эту задачу заставляло теперь военное командование поспешно гнать в Париж все новые и новые воинские части.

Мы ошибемся однако, предположив, что в намерениях тех, кто посылал солдат в столицу, входило немедленно любовым, открытым ударом положить конец двоевластию в Париже.

С одной стороны, то обстоятельство, что основные союзники пролетариата, и прежде всего беднейшие слои городской мелкой буржуазии, начали втягиваться в активную борьбу лишь с относительно большим опозданием и окончательно связали свою судьбу с рабочим классом не ранее 10 марта, т. е. дня издания дюфоровского закона об отмене отсрочки платежей по векселям, и с другой стороны, то обстоятельство, что недостаточная зрелость пролетариата и отсутствие единой пролетарской партии обусловили определенную пассивность ЦК национальной гвардии, даю возможность правительству Тьера выиграть время для окончанья сосредоточения войск и приведения их в состояние полной боевой готовности, позволило ему на некоторое время оттянуть момент открытия военных действий против революции.

В тактические планы Тьера вовсе не входило немедленное объявление войны поднявшему красные знамена Парижу: в данной обстановке казалось более выгодным для буржуазии не открывать сейчас же противнику своих карт, продолжать вести до известного момента хитрую закрытую игру и попытаться покончить с врагами собственности и порядка именно ударом из-за угла, «контрреволюционным заговором», своеобразной «корниловщиной» в скрытой и замаскированной форме. Именно вследствие этого Тьер вовсе не предполагал отдавая приказание о движении воинских частей к столице, немедленно в открытом бою заставить трудовой народ столицы признать волю Национального собрания. «С 48 тыс. вы сможете мало-помалу восстановить порядок, если сражение не будет иметь места, и восстановить его немедленно, если оно будет дано» — указывает он Жюлю Фавру 5 марта, набрасывая широкими мазками план задуманной им и генералом Ле-Фло военной операции. «Я полагаю, — прибавляет Тьер, — что, когда войска придут на место, буяны станут оглядываться по сторонам раньше чем подымать головы»¹.

Тьер советует Фавру и Винуа придерживаться временно выжидательной тактики и не переходить сейчас же в наступление:

«Я рекомендую попрежнему не рисковать располагать вновь прибывающие войска в гуще населения. Для них можно освободить место в Военной школе, в Инвалидах, в Тюильри, направляя войска генерала Винуа дальше занять оставленные посты или казармы принца Евгения (Шато д'О). Таким образом Париж будет захвачен мало-помалу, и порядок сам собой восстановится» («la police se fera toute seule»)².

По мнению Тьера, необходимо следовательно по возможности избегать столкновения с силами ЦК национальной гвардии, но тем не менее в случае вызова с его стороны дать бой со всей решительностью. «Не следует начинать наступления на мятеж, — еще раз подчеркивает он все

¹ *Voupiols, Thiers au pouvoir, стр. 25 — 26.*

² Там же.

в том же письме Жюлю Фавру, — имея в своем распоряжении большую военную силу, крепкую позицию и немного терпения, имешь большие шансы покончить с мятежом без боя. Если бой надо будет дать, его следует дать, но в этом случае со всей решительностью».

Сходные мысли развивает Тьер и в своих письмах генералу Сюзанну. «Занимая постепенно при помощи старых войск генерала Винуа оставленные ранее посты, можно будет мало-помалу захватить Париж» — пишет он 5 марта, указывая, что после прибытия вспомогательных отрядов «можно будет покончить с беспорядком без единого удара». «Я совершенно согласен с тактикой генерала Винуа, — прибавляет Тьер, — состоящей в том, чтобы не расплыть войска и не торопиться с применением силы. Буяны рассорятся между собой, устанут, а за это время придут наши подкрепления»¹.

В письме, отправленном из Бордо 6 марта, снова говорится о том, что «каждый истекший день за нас и против них» и что поэтому не следует сейчас же давать сражения². 7 марта Тьер пишет в Париж, что «мы придем к концу беспорядка путем применения соединенных осторожности и силы», одновременно предлагая военному командованию в случае революционного выступления масс «раздавить негодяев, которые хотят присоединить к внешней войне войну гражданскую». «Если Вас не будут провоцировать, подождите морального воздействия от концентрации сил на виновников беспорядка» — указывает Тьер, советуя при этом особенно в н и м а н и е у д е л и т ь о х р а н е Французского банка («Il faut avoir l'oeuil sur la Banque»). Нападение на банк «будет одним из тех выступлений, которое нельзя будет терпеть ни в коем случае»³.

Еще 10 и даже 11 марта, т. е. почти накануне своего отъезда в Париж, Тьер в письмах Фавру и Пикару предписывает ту же тактику выжидания и накопления сил, предлагая «не торопиться» с переходом в наступление⁴.

Таким образом нельзя сомневаться в том, что до своего возвращения в Париж, т. е. до 15 марта, Тьер считал необходимым придерживаться по отношению к мятежному Парижу выжидательской тактики и стремился, накапливая постепенно войска в Париже, добиться столь репутительного перевеса сил, что ликвидация мятежа стала бы возможной одними полицейскими мерами, без уличного боя. Он боится преждевременным выступлением испортить дело и, пользуясь относительной пассивностью ЦК национальной гвардии, надеется раздавить врага раньше, чем этот последний осознает нависшую над ним смертельную угрозу. В то же время однако он спокойно учитывает возможность и длительной борьбы за Париж. Мы можем судить об этом по тем мотивам, которые заставили его в столь категорической форме требовать в Национальном собрании перевода правительства из Бордо именно в Версаль, а не в другой какой-либо город Франции. «Из Версаля было бы легко прийти на помощь армии, если бы этой последней пришлось отступать: она нашла бы здесь опорный пункт — не очень далекий и солидный, — пишет Тьер в своих «Воспоминаниях», — поэтому-то я и предлагал Версаль, не разясняя, разумеется, мотивов моего предпочтения этому городу»⁵.

Эта тактика по отношению к революционному красному Парижу

¹ D a m è, La resistance, стр. 258.

² Там же, стр. 260.

³ Письмо Тьера генералу Сюзанну от 7/III 1871 г. (Bouniols, Thiers au pouvoir, стр. 41—42).

⁴ См. письмо Тьера Пикару (Reclus «Picard», стр. 274) от 11/III 1871 г., к генералу Сюзанну от 11/III 1871 г. (Bouniols, Thiers au pouvoir, стр. 49) и Фавру от 10/III 1871 г. (Bouniols, Thiers au pouvoir, стр. 43).

⁵ Thiers, Notes et souvenirs, стр. 136.

при желании и главное при известном умении легко дает возможность представить хитрые и достаточно подлые планы Тьера исполненным терпением и снисходительности стремлением отыскать мирный, бескровный выход из создавшегося положения и притти к безболезненному окончанию конфликта. «В Бордо Тьер не хотел взять на себя инициативу атаки, предпочитая мирное разрешение вопроса» (*une solution pacifique*) — вещает например новейший биограф Тьера Анри Мало, стремящийся всеми силами доказать государственную мудрость «маленького великого человека», будто бы только 15 марта, по приезде из Бордо в Париж, пришедшего к мысли о необходимости применить репрессии. «На месте он изменяет свое мнение, надо будет подчинить Париж и прежде всего его обезоружить» — утверждает Мало¹.

Нет, разумеется, ничего похожего на правду в этом характерном для современного французского буржуа желании обелить своего героя и смыть кровь с его грязных рук: нельзя ни минуты сомневаться в том, что Тьер с самого прихода своего к власти не думает о возможности того «мирного разрешения вопроса», о которой рассказывает нам его биограф. Наоборот, считая необходимым до поры до времени из чисто тактических соображений воздерживаться от прямого перехода в наступление, Тьер хорошо отдаст себе отчет в том, что только одни жесточайшие репрессии могут привести к восстановлению желанного для буржуазии «порядка» и «спокойствия» в Париже. Анри Мало, приписывающий Тьеру из вполне определенных, далеких от какой-либо научности, побуждений «мирные» устремления, забывает, что человек, направлявший в марте 1871 г. свои войска против поднявшего красные знамена города, еще в 1834 г. призывал лионского префекта не колебаться в борьбе с восставшими ткачами «при применении средств разрушения»².

То обстоятельство, что Тьер в своих письмах Фавру, Сюзанну и Пикару не касается вопроса репрессий и ничего не говорит о том, как конкретно будет проведено разоружение национальной гвардии, позволяет не одному только А. Мало указывать на его стремление найти путь к примирению с Парижем и вообще мирному исходу борьбы. Но, во-первых, нельзя забывать, что мы не располагаем всеми письмами Тьера, что все наиболее компрометирующее и секретное, либо уничтожено, либо схоронено в шкафах современных французских архивов. Во-вторых, и это тоже надо иметь в виду, Тьеру вовсе не надо было толковать в своих письмах в Париж о том, какими методами следует приступить к искоренению в городе революционной заразы. В вопросе о необходимости самых жестоких репрессий в лагере буржуазии не могло быть двух мнений, и Тьер мог поэтому вполне положиться на своих помощников: о намерениях возглавлявших карательные отряды бонапартистских генералов он узнавал конечно из докладов генерала Ле-Фло, поддерживавшего постоянную телеграфную связь с военным командованием в Париже и хорошо осведомленного о том, какими методами думали разные Винуа, Сюзанны и Сюзбиелли раздавить ненавистную им «сволочь» Монмартра и Белльвилля. Все эти участники подавления июньского восстания 1848 г. только и думали тогда о методах генерала Кавеньяка, только и мечтали о повальных обысках, избиениях и казнях!

Об их настроениях позволяет судить опубликованное еще во времена Коммуны на страницах «Официальной газеты» письмо, отправленное в начале марта из Парижа генералу Ле-Фло его другом генералом Клермон-Тоннером. Последний — один из высших чинов военного министерства — без всякого стеснения договаривает до конца то, о чем молчат письма самого Тьера.

¹ Мало Н., М. Thiers, стр. 497, Париж, 1932 г.

² Halévy D., Le courrier de M. Thiers, стр. 56.

«...Я начинаю надеяться и даже верить, что мы избавимся благодаря той роли, которую играет состояние наших сил, несчастий столкновения,—пишет в Бордо генерал Клермон-Тоннер.—Через пару дней мы начнем по мере прибытия новых войск незаметное отвоевание Парижа; когда мы будем иметь в южных фортах, в Мон-Валериане, в бараках и казармах хороших кварталов, включая сюда и казармы принца Евгения, силу в 40 тыс. незараженных парижанами людей, вопрос будет казаться мне разрешимым в несколько дней. Как раз эти-то несколько дней и будет необходимо употребить на то, чтобы провести разоружение национальной гвардии»...

Внимательный читатель, мы полагаем, уже заметил, что «планы» генерала Клермон-Тоннера, тождественные конечно планам военного командования вообще, даже в деталях совпадают со знакомыми уже нам планами Тьера. Глава исполнительной власти в своих письмах упоминает даже о тех же самых казармах принца Евгения, о которых пишет в Бордо военному министру генерал Клермон-Тоннер! Но в то время как Тьер ничего не говорит о том, как конкретно должно быть проведено разоружение, генерал Клермон-Тоннер открыто взывает к памятным тогда для всех опыту июньских казней и ссылок.

«Цвет парижской сволочи, — продолжает генерал, — сосредоточен на Монмартре и конкурирует с бельвильцами своими баррикадами, пушками, военным паролем и пр... Я считаю, что когда у нас будет достаточно сил, следовало бы изолировать один из укрепленных пунктов инсurreкци, чтобы взять его голодом, и в то же время крепко занять другой, наводнив все кварталы войсками и обыскав все дома (мера, которая была применена в июньские дни). После этой работы взяться за чистку населения Парижа: двадцать пять тысяч уголовных преступников, имеющих в рядах национальной гвардии, будут иметь удовольствие предстать перед судами правительства после того, как они будут обезоружены»...¹.

И этот-то несущий парижским пролетариям кровь и страдания «план» тьеровских генералов историк Мало осмеливается называть «мирным разрешением вопроса»!

VI

Все сказанное, нам кажется, с достаточной определенностью доказывает наличие определенного контрреволюционного заговора господствующих классов против революционного Парижа, хитро и тонко задуманного в Бордо еще задолго до событий 18 марта.

Заговор этот, сохранившийся в тайне, должен был привести к сосредоточению в Париже и под Парижем достаточных для победоносной борьбы с трудящимися столицы воинских сил. В первые две недели марта этот заговор и получил практическое осуществление, поскольку ко времени переезда Тьера из Бордо в Париж генерал Винуа мог уже располагать значительными прибывшими резервами. Под командой этого генерала ко времени восстания 18 марта сосредоточено было, не считая сильных артиллерийских батарей, 25—30 тыс. солдат, которые и должны были теперь открыто бросить вызов возглавлявшему революционное движение в Париже ЦК национальной гвардии.

Ряд обстоятельств однако, как известно, вскоре привел к позорному краху столь тонко задуманную операцию. Несмотря на разработанный заранее план, несмотря на удачное преодоление ряда препятствий, «корниловская» затея Тьера позорно провалилась: 18 марта 1871 г. победоносное восстание масс привело к созданию рабочей власти в столице и к вынужденному трусливому бегству правительства и военного командования из Парижа. Мы не имеем, к сожалению, возможности сколько-нибудь под-

¹ «Journal officiel de la Commune» от 19/IV 1871 г. Часть письма цитирована А. Молоком в его издании «Гражданской войны» Маркса.

робно рассказывать здесь о том, как росла классовая сознательность французских рабочих, среди которых, по словам Ленина, «в последние годы Второй империи велась деятельная социалистическая пропаганда и многие из которых принадлежали даже к Интернационалу», и о том, как подымались накануне событий 18 марта в Париже волны рабочего движения. Этому важнейшему и интереснейшему вопросу мы думаем посвятить отдельную статью в одном из ближайших номеров журнала.

Возвратившийся из Бордо 15 марта Тьер застал в столице столь резко изменившуюся обстановку, что считал необходимым, не дожидаясь окончательной реорганизации создаваемой в Париже армии, отказаться от выжидательной тактики и отдать 17 марта приказ о наступлении на Монмартрские высоты и аресте членов ЦК национальной гвардии.

Крутой поворот в тактике правительства, стремление Тьера теперь любой ценою, во что бы то ни стало восстановить немедленно «порядок» в столице продиктованы были ему рядом обстоятельств, о которых мы не можем здесь говорить сколько-нибудь подробно: весть о принятии Собранием закона об уничтожении отсрочек платежей по векселям и квартплате окончательно привязывала к пролетарскому авангарду колебавшиеся до этого широкие слои мелкой буржуазии и вместе с тем в некоторой степени восстанавливала против политики правительства значительную часть средней буржуазии. Несмотря на немедленное, вслед за изданием закона Дюфора, прекращение по приказу генерала Винуа выхода в свет ряда революционных органов печати, волна революции, поднимавшаяся высоко уже во времени годовщины Февральской революции, теперь, с 10—11 марта, грозила непосредственно обрушиться на истинных виновников народных бедствий и грозила смыть в Париже последние жалкие уже остатки «законной» власти.

Вместе с тем под'ем революционных настроений в Париже сильно отражался и на развитии революционного движения в провинции, где, начиная с первых дней марта, в ряде городов широко разлилось стачечное движение. С 9 по 15 марта например волнения рабочих имели место в текстильных округах Рубе и Туркоинга, причем бастующие текстильщики встречали жандармов и войска камнями. Стачки и волнения среди рабочих и докеров Марселя заставили префекта департамента Конье уже 15 марта потребовать возвращения на рейд города бронированного фрегата «Корона». Отдельные выступления и забастовки наблюдались повсеместно.

Заметное возрастание влияния ЦК национальной гвардии, становившегося в середине марта уже в полной мере хозяином столицы, невозможность открыть заседания Собрания в Версале при наличии новой, народной власти в Париже и, главное, усиливающееся давление со стороны банковских, деловых кругов заставили Тьера открыть свои карты раньше, чем ему этого в действительности хотелось.

О том, что эти круги крупной буржуазии действительно были недовольны кажущейся пассивностью и нерешительностью правительства и настойчиво требовали энергичных карательных мер, мы узнаем из целого ряда источников. Отметим например, что еще 3 марта директор Французского банка Рулан в своем письме Тьеру жаловался на то, что *«еще не чувствуется руки, которая управляет, не чувствуется единства, которое сплывает, смелости, которая разрешает все сомнения»*¹.

6 марта один из меров 4-го буржуазного округа Парижа, Вотрэн, выступая на заседании у министра внутренних дел Пикара, в свою очередь потребовал принятия быстрых, решительных мер против мятежников. «Опасность заключается не столько в пушках, сколько в Центральном комитете, силы которого тайне растут и могущественная рука которого дает себя чувствовать во всей национальной гвардии» — заявил Вотрэн. «Надо взять быка за рога, если хочешь его укротить» — прибавил он.

¹ «Revue des deux mondes», т. 34, 1916 г.

«Если вы хотите покончить с готовящимся движением, начните с ареста членов Центрального комитета, который противопоставляет себя вам в качестве тайной власти»¹.

Сам Тьер в своих «показаниях следственной комиссии по делу о восстании 18 марта» впоследствии рассказывал, что накануне выступления парижские банкиры настойчиво требовали принятия энергичных мер против Монмартра и Бельвиля, грозя в противном случае отказать правительству в необходимых ему кредитах. «Вам никогда не удастся осуществить финансовых операций, если Вы не покончите с этой преступной шайкой» — кричали они.

Несмотря на все старания военного командования послать в Париж действительно надежные, лучшие части, несмотря на все старания изолировать солдат от населения, насыщенный революцией воздух Парижа делал свое дело: прибывшие в Париж специальными поездами солдаты останавливались перед большими красными афишами, расклеенными еще 10 марта по распоряжению ЦК национальной гвардии, и читали в них о том, что Тьер и его генералы «провоцируют гражданскую войну» и рассчитывают сделать солдат «послушным, орудием замышляемого ими преступления». *«Гражданин-солдат!»* — обращались к прибывшим делегаты ЦК национальной гвардии. — *«Неужели Вы будете повиноваться незаконному приказу и пролить ту же кровь, которая течет в Ваших жилах? Нет, Вы не согласитесь стать отцеубийцами и братоубийцами!»*.

Революционная пропаганда и неизбежные встречи с трудовым народом Парижа, несмотря на все противодействия контрреволюционного офицерства, способствовали быстрому падению дисциплины в армии и разлагали присланные из провинции части. Недаром генерал Винуа называл красную афишу «пространным возбуждением к бунту и дезертирству»².

Авторитет ЦК национальной гвардии вместе с тем начал заметно расти и среди регулярных воинских частей. В этом отношении, мы полагаем, достаточно указать здесь только на один имевший место в Париже 8 марта случай. В этот день солдаты 10-го батальона подвижной гвардии, возмущенные уменьшением их обычного жалования до 40 сантимов, чуть не повесили своего капитана на фонаре против его собственного дома. Несмотря на противодействие бывших на месте офицеров, капитан был схвачен своими солдатами, которые толпой направились вместе с ним к мерию 11-го округа. «Не дойдя однако до церкви св. Амбруаза, — сообщает об этом случае буржуазная газета, — батальон изменил свое намерение и решил отвести арестованного в Центральный республиканский комитет, который заседает на улице Кордери»³.

Если бы привыкшие к слепому повиновению серой солдатской массы «владельцы» лучше умели оценивать положение, они могли бы за много дней до рокового дня 18 марта заметить опасные симптомы: уже 7—8 марта инспектировавшие прибывшие полки генералы констатировали признаки начавшегося разложения. «Они все были в плачевном состоянии, — рассказывает генерал Винуа, — кадры были недостаточны; иной раз имелся только один офицер на роту, в других случаях — два, никогда три... и к тому же это были офицеры новой формации, не знавшие еще своих людей»⁴.

Генералу Винуа и его помощникам с опромным трудом удавалось поддерживать хоть какой-нибудь порядок и дисциплину в разлагающейся не по дням, а по часам массе; 16 марта в приказе по парижскому гарнизону говорится о том, что часовые перестали отдавать честь проходящим

¹ D a m é, La résistance, стр. 28.

² V i n o u. L'Armistice et Commune, стр. 200.

³ «Temps» от 9/III 1871 г.

⁴ «Enquête parl. sur l'insurrection de 18 mars». См. показания генерала Винуа.

мимо офицерам, что солдаты слоняются без дела по Парижу, что они не соблюдают правила ношения форменной одежды и подчас одеты во что попало. В другом случае говорится о том, что командирующему 2-й дивизией генералу Сюзбиеллю 16 марта пришлось целый день собирать своих людей по городу!¹

Слабость и бессилие военного командования, столкнувшегося со стихийным пробуждением сознательности в безмолвной ранее солдатской массе, особенно ярко проявились в том, что оно не могло задержать в рядах войск хотя бы на самое короткое время тех солдат, которые подлежали демобилизации. Оно принуждено было находку, в самый разгар операции волей-неволей отпускать по домам часть присланных в Париж солдат. Уходящих в бессрочный отпуск спешили заменить солдатами разоруженных при капитуляции Парижа полков старого гарнизона, и это конечно способствовало еще сильнейшему проникновению в полки революционной заразы.

В ночь на 18 марта закупленные у немцев по дорогой цене шашпо отказались стрелять по рабочим и трудящимся Парижа. Два генерала — Клеман-Тома и Леконт — были расстреляны солдатами одного из только что присланных в Париж полков. *Первый этап «корниловщины 1871 г.» окончился полной и позорной неудачей.*

VII

Эта неудача контрреволюционного заговора Тьера была следствием того исключительного героизма, который был проявлен трудящимися Парижа в день 18 марта. Рабочие и руководимые ими ремесленники не дали классовому врагу захватить пушки национальной гвардии, отбили атаку на Монмартр, а затем в ходе борьбы изгнали из Парижа Тьера и его продажных министров.

«Коммуна возникла стихийно — ее никто сознательно и планомерно не подготовлял» — писал по этому поводу Ленин, подчеркивая известную уже нам пассивность ЦК национальной гвардии, не проявлявшего в деле захвата власти и отпора врагу достаточной энергии и решительности. Накануне 18 марта мы видели, что ЦК национальной гвардии, возникший по прямому почину самих масс и призванный руководить ими, не только не ставил практически вопроса о захвате власти, но и сеял своими лозунгами и воззваниями иллюзии о возможности классового мира.

Уже накануне 18 марта и перехода власти в руки рабочего класса Парижа ЦК национальной гвардии начал проявлять то «благодушие», о котором как об определенной грубой политической ошибке писал несколько позднее Маркс.

«Если парижане терпят поражение, — указывал он например 6 апреля 1871 г. в письме В. Либкнехту, — то это их вина, но вина, которая в деле произошла от чрезмерной честности. Центральный комитет, а затем и Коммуна дали злополучному выродку Тьеру время сосредоточить вражеские силы... потому что они по глупости не хотели начинать гражданскую войну, как будто Тьер не начал ее сам своей попыткой насильственного разоружения Парижа»².

По мысли К. Маркса, главные ошибки ЦК национальной гвардии, допущенные им и до событий 18 марта и непосредственно после них, состояли в том, что недостаточно политически опытные его члены, к тому же лишенные единого партийного руководства, выпустили из своих рук инициативу, не проявили достаточной решительности и дали тем самым клас-

¹ Vinoy, L'Armistice et Commune, стр. 389.

² «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 10.

совому врагу полную возможность маневрировать и собирать силы для нанесения пролетариату сокрушительного удара. И это тогда, когда перед лицом общего врага не только все собственники Франции сейчас же забыли свои распри, но и когда на помощь буржуазной Франции поспешили притти господствующие классы Германии и вся международная буржуазия.

В 1917 г. русским рабочим удалось избежать ошибок, допущенных в мартовские дни 1871 г. ЦК национальной гвардии. Они учли эти ошибки и под гениальным руководством Ленина и партии большевиков смело вырвали из рук русских Тьеров и Винуа не только инициативу в борьбе, но и конечную победу.

«Восстание, как и война, есть искусство» — писал Маркс. Исторический опыт восстания 18 марта 1871 г. и последовавших за ним коротких дней Парижской коммуны доказывает вполне, что без овладения этим искусством нельзя рассчитывать сколько-нибудь прочно и крепко завладеть властью и довести до конца победоносно начатую пролетарскую революцию.

Франко-прусская война, крушение Второй империи
и Парижская коммуна
документы, исследования, публицистика:

- Гюстав Лефрансе. Воспоминания коммунара (Л.: Прибой. 1925)
Э.Лиссагаре. История Парижской коммуны в 1871 году (СПб., 1906)
М.Вильом. В дни Коммуны: записки очевидца (Л.: Прибой. 1926)
Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года (Пг., 1920)
А.Арну. Народная история Парижской Коммуны (Пг., 1919)
А.Лурье. Портреты деятелей Парижской коммуны (М: госполитиздат. 1956)
Речь Эжена Варлена перед судом в 1868 г. (Вятка, 1918)
Белфорт Бакс. Парижская коммуна 1870-1871 гг. (Пг., 1918)
П.Лавров. Парижская коммуна 18 марта 1871 г. (Л.: Прибой. 1925)
К.Беркова. Парижская коммуна и русские революционеры (М., 1926)
СН.Красильников. Боевые действия Парижской коммуны 1871 (М.: Государственное военное издательство. 1935)
БЕССМЕРТНАЯ КОММУНА. Воспоминания ветеранов, участников Парижской Коммуны (М., 1928)
В.Арендт. Дни Коммуны 1871 года (М.: ЦК МОПР. 1929)
И.Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и Германия в 1870-1914 гг. (М., 1952)
Э.Вандервельде. Парижская Коммуна (М., 1918)
Н.Емельянова. Англия и Парижская Коммуна (М.: Наука. 1981. Отв.ред. В.М.Далин)
А.Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны (Лг., 1924)
А.Молок. Белый террор во Франции в 1871 году (М.: ЦК МОПР. 1936)
Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели (по книге К.Пельтана)
(издание 1920 года, предисловие Г.Зиновьева)
Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны (М.: Худ.лит-ра. 1947)
Ж.Дюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница нового мира (М.: Иностранная лит-ра. 1962)
Парижская Коммуна 1871 г. под ред. Э.А.Желубовской, А.З.Манфреда, А.И.Молока, Ф.В.Потемкина (М., 1961). Тт.1,2.
И.Книжник-Ветров. Русские деятельницы 1-го Интернационала и Парижской коммуны (М.-Л.: Наука. 1964)
П.Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г. (М.: Соцэкгиз, 1959.)
Э.Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции (М.. 1956)
Письма рабкорров Парижской коммуны (М., 1937)
Б.Итенберг. Россия и Парижская коммуна (М.: Наука. 1971)
О.Вайнштейн. История Парижской коммуны (М., 1932)
М.Шури. Париж был предан: истоки парижской коммуны (М., 1961)
М.Шури. Коммуна в сердце Парижа (М., 1970)

Фильм Питера Уоткинса «Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris 1871)», 2000 г.).
Радиопередачи к 140-летию Парижской коммуны

Эту литературу можно скачать здесь:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p151294013.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

http://cornmunity.livejournal.com/znanie_vlast/

<http://politazbuka.ru/>